

И снова об «отдельных личностях...»

А. Кузичева

Какими словами рассказать об Олеге Павловиче ГАВРЮШКИНЕ? Мы не были знакомы даже шапочно. Мне неведома его судьба, но известны книги: «Гуляет старый Таганрог», «Отблески золотых куполов», «Вдоль по Питерской».

Так и знала бы я автора понаслышке да по книгам. Если бы не одна единственная встреча, которая случилась ранней осенью этого года. Волей обстоятельств оказалась я у порога, возле которого растет одинокий куст смородины, а потом - в обители, видимо, одинокого человека. Опрятной, скромной, тихой.

Жаль, что мой разговор с ним о Таганроге прошлого столетия подгоняло время, торопил отъезд из города. Такие встречи возвращают веру в то, что дело твое кому-то нужно, что не все вокруг подвластно корысти, расчету, глупым амбициям и невежественным претензиям, как бы ни убеждала жизнь в их всемогуществе. Скудеющие силы вдруг прибывают после таких тихих бесед. Хотя со стороны они, наверно, кажутся странными.

Ну, зачем, скажите, годами собирать по крохам факты давно минувших эпох, терять зрение, корпя над подшивками старых газет, метрическими книгами вековой давности, угадывающими текстами документов, чудом сохранившихся до наших дней?

Как назвать этих чудаков, которые едут на свои мизерные зарплаты или нищенские пенсии в архивы других городов и радуются подтвержденной догадке или достоверно установленным событиям? И ведь часто не свое родословное древо вычерчивают эти оригиналы, а восстанавливают историческую мозаику жизни своего города, своего отечества, чужой судьбы.

Они спасают от полного забвения и гибели имена, события, чужие деяния, памятники культуры. Да, этим озабочены и сотрудники архивов, музеев, библиотек. Их часто называют последними святыми на Руси. Но государственные служащие все-таки работают вместе с коллегами. Они лелеют надежды, что по воле начальства построят новые хранилища для книг, отремонтируют ветхие помещения, раскошелятся на новые приобретения.

А какво одиночке? Для различных отечественных и зарубежных фондов, отпускающих средства на проекты, на издание книг и подготовку рукописей, одиночка вообще «фигура умолчания», ибо он вне, как теперь говорят, «команды», группы, научного клана, меркантильного объединения. Ему трудно рассчитывать даже на счастливый случай, который иногда выпадает в этих играх на долю действительно достойных научных содружеств и исследователей.

И меценат для такого человека тоже, как случайная комета. Вот нашелся Н. Н. Зубков, которого О. П. Гаврюшкин поблагодарил на титуле своей первой книги за помощь в ее издании. И хвала этому неведомому мне человеку! Зато вторую автор издал на то, что выручил за первую. А третью книгу выпускает на свои деньги, продав не лишнее, а необходимое, но во имя еще большей необходимости. Творческой, живой, душевной.

Разве такие люди не похожи на блаженных? И на что издаст О. П. Гаврюшкин еще три совершенно готовые рукописи, посвященные старому Таганрогу? От кого ему ждать помощи? Снова продавать что-то, если таковое осталось? Я слышала, что он обращался к тем, кто может по должности или по своему достатку помочь краеведу, историку, исследователю. Видела номера газет с призывом редакции помочь автору интересных книг. Но тщетно. Отклика пока никакого.

Это невольно напоминает легенду из мелиховских времен жизни А. П. Чехова: как-то домашние будто бы повесили на доме кружку для гонораров доктору, который стеснялся их брать с состоятельных больных, а тем более - с бедных. И что же? Вскрыли через продолжи-

тельное время эту кружку и нашли там позеленевшую медную пуговицу, брошенную шутником.

Не обнадеживает это и в свете печальной участи памятника А. П. Чехову на Новодевичьем кладбище. Бездну бумаг исписали, громко просили о помощи. И была такая помощь, сильная лепта от добрых людей. Но недостает собранного на спасение памятника. Зато сколько слов о любимом писателе, сколько признаний в любви к нему! Но вот не оказаться бы к 2004 году, столетию со дня смерти А. П. Чехова, возле памятника, погибшего под шум нашей болтовни и в декорациях пустопорожней суеты. Ведь не писал А. П. Чехов обращения к Государю, к московскому генерал-губернатору, к предводителю дворянства города Серпухова с ходатайствами о помощи в деле строительства сельских школ, вспомоществования бедным, погорельцам, сирым и убогим. Он тихо отдавал свои деньги и строил, помогал. На подобное тихое вспомоществование, как говорили в прошлое столетие, уповаю и я.

А пока желаю О. П. Гаврюшкину терпения, здоровья и мудрости пережить те минуты, когда, может быть, его посещает отчаяние или настигает несправедливость. Такие люди неудобны. Их порою готовы объявить городскими сумасшедшими. Им легко создать репутацию людей неуживчивых.

Такова их планида. И не стоит им с гневом противопоставлять других людей, о которых в горькую минуту своей жизни А. П. Чехов записал в дневнике: «Если человек присасывается к делу, ему чуждому, например, к искусству, то он, за невозможностью стать художником, неминуемо становится чиновником. Сколько людей таким образом паразитирует около науки, театра и живописи, надев вицмундиры! То же самое, кому чужда жизнь, кто неспособен к ней, тому больше ничего не остается, как стать чиновником».

Не о чиновниках я веду речь. Но о тех, о ком гениальный уроженец Таганрога сказал однажды: «Не надейся на князи и сыны человеческие...» «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям - интеллигенты они или мужики, - в них сила, хотя их мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное сознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д. и т. д. - и все это...» «помимо интеллигенции en masse и несмотря ни на что».

Полагаю ли я, что после появления номера газеты с этим словом признательности О.П. Гаврюшкину за его книги, которые так помогли в моей работе, за щедрость, с которой он показал в ту короткую нашу встречу свои указатели, свои записи, надеюсь ли я, что найдутся люди, готовые помочь издать эти рукописи? Не знаю...

Но и не сказать об этом я не могла. И не забуду теперь одинокий зеленый куст смородины около двери, которую открывают перед человеком и впускают в дом.